

DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.48.27>

ИСТОЧНИКИ ФОРМИРОВАНИЯ РУССКОЙ ЭРРАТОГРАФИИ

Научная статья

Щур Е.А.^{1,*}¹ Донецкая академия управления и государственной службы, Горловка, Российская Федерация¹ Горловский Институт Иностранных Языков, Горловка, Российская Федерация

* Корреспондирующий автор (ekaterina.schur2016[at]yandex.ru)

Аннотация

Работа посвящена описанию источников формирования эрративов в русском языке. Таковыми определены элементы интернет-дискурса (форумы, чаты, социальные сети и под.), «язык падонков» («Подонкаффский», «олбанский» язык, йазыкподонкафф, язык Лехчи или язык Упячки) как специфическое явление речевой контркультуры, авангардная русская поэзия начала XX века и современная постмодернистская художественная литература, а также имитация живой речи. Целью данной работы является вопрос формирования русских эрративов, который можно считать достаточно актуальным и при этом не до конца изученным. Для реализации данного исследования использовались следующие методы лингвистического исследования, такие как *метод лингвистического наблюдения, описания, обобщения и сравнения*, а также *метод контекстологического анализа*. Материалом исследования являются эрративы, зафиксированные в русской художественной литературе XX–XXI веков, ономастиконе, СМИ и интернет-дискурсе.

Ключевые слова: русское письмо, эрратив, эрратография, эрративное письмо.

SOURCES OF THE FORMATION OF RUSSIAN ERRATOGRAPHY

Research article

Schur E.A.^{1,*}¹ The Donetsk Academy of Management and Public Service, Gorlovka, Russian Federation¹ The Gorlovka Institute Of Foreign Languages, Gorlovka, Russian Federation

* Corresponding author (ekaterina.schur2016[at]yandex.ru)

Abstract

The work is dedicated to the description of the sources of the formation of erratives in the Russian language. These are defined as elements of Internet discourse (forums, chat rooms, social networks, etc.), the "language of padonki" ("Podonkaffsky", "Olbansky", yazykpodonkaff, Lehcha or Upyachka) as a specific phenomenon of speech counterculture, avant-garde Russian poetry of the early twentieth century and modern postmodernist fiction, as well as imitation of live speech. The aim of this article is the issue of the formation of Russian erratives, which can be regarded as quite relevant and at the same time not fully studied. To implement this research, the following methods of linguistic research were used, such as *the method of linguistic observation, description, generalization and comparison*, as well as *the method of contextological analysis*. The material of the study is the erratives recorded in Russian fiction of the XX-XXI centuries, onomasticon, mass media and Internet discourse.

Keywords: Russian writing, errative, erratography, errative writing.

Введение

С целью экспрессивизации русской письменной речи часто используются слова и конструкции, содержащие умышленное нарушение орфографической нормы, – эрративы. Данный феномен имеет множество названий в русской лингвистике: «антиорфография», «язык аффтараф», «олбанский язык», «язык падонков», однако более предпочтительным считаем всё же термин «эрратография» (от английского error – «ошибка»). Эрратив – слово или выражение, осознанно искажённое владеющим литературной нормой носителем языка для придания особого эффекта. Тексты, содержащие эрративы, предназначены только для зрительного восприятия, ведь произнесение практически скрывает все отступления от нормы. Целью данной работы является вопрос формирования русских эрративов, который можно считать достаточно актуальным и при этом не до конца изученным. Научная новизна исследования заключается в том, что анализируются источники формирования русских эрративов на основе фактического материала. Практическая значимость исследования обусловлена возможностью использования его результатов при подготовке теоретической и практической стилистики современного русского языка; написании монографий, учебников, учебных пособий по стилистике современного русского языка, культуре речи.

Для реализации данного исследования применяется комплексный подход к выбору методов научного исследования. Использовались такие методы лингвистического исследования, как *метод лингвистического наблюдения, описания, обобщения и сравнения*, а также *метод контекстологического анализа*. Материал исследования составляют эрративы, зафиксированные в русской художественной литературе XX–XXI веков, ономастиконе, СМИ и интернет-дискурсе.

Основные результаты

В ходе данного исследования были выделены и рассмотрены такие источники формирования русской эрратографии, как специальный язык интернет-общения некоторых сообществ пользователей (интернетояз, новояз, «олбанский язык» и др.); интернет-сленг как элемент современной массовой культуры; распространённость и популярность мемов, в которых эрративное письмо помогает передавать и дополнять смысл изображений; живой разговорный язык, оказывающий непосредственное влияние на современное русское письмо; художественная образная речь, преобразующаяся под воздействием демократизации письма; развитие СМИ и свобода слова как проявление демократизации общества и культуры; расширение маркетинговых стратегий и приёмов.

Отечественные учёные видят основу появления письма с нарушением орфографии и графики в распространении интернет-общения и дистанционной коммуникации, при этом первые попытки нарушения правописания слов в русском письме можно увидеть ещё в древности, в таком явлении, как тайнопись.

В югославянской письменности как основы славянской письменности тайнопись была достаточно распространена. Обычно такая запись помещалась в приписке или послесловии рукописи, на внутренней стороне переплёта. Чаще это были летописные и религиозные тексты, в которых «тайнопись применяется не столько для обеспечения секретности, сколько для того, чтобы подчеркнуть важность того или иного фрагмента, а также увековечить имя автора или переписчика» [1, С. 15]. С помощью тайнописи оформлялось имя писца, иногда её использовали как шутку или загадку, также подобное необычное написание слов служило способом привлечения внимания читателя текста («Шукай первую аще требуиеш иевангелии на посвящение *domy* зри первую *tatfeua* в неделю предо *рождеством христовит*» (л. 333 об.) [10, С. 72] – рукопись Нежинского Института №152 запись XVII века; «*МА* мати блага *Pi* риза драга *Я* яже нас крыет, *МА* малодушных *Pi* ризо нужны *Я* якъ руно грет» [10, С. 132]).

Отмечаются следующие способы изменения орфографического облика слов, такие как: замена символов алфавита другими буквами кириллицы, других алфавитов (глаголицей, греческим письмом, латиницей, вязью; иными искусственными символами); перестановка символов алфавита, письмо крестом; внесение избыточности в текст с сокрытием исходного текста в избыточном (акростих, шифртексты, помещение надписей в рисунках, геометрических фигурах и орнаментах).

Подобные приёмы оформления слов выглядят достаточно упрощёнными, при этом не стоит считать их примитивными, ведь они соответствовали целям пользователей такого письма. Похожий феномен проявляется в современном русском языке – эрратография, которая применяется в особых случаях и с определёнными целями. Данные письменные явления древнерусского и современного русского языка обладают общими функциями: развлекательной и аттрактивной. Также они имеют похожие приёмы оформления: намеренное использование различных систем письма внутри слов, специальных символов (цифр, знаков), рисунков.

Развлекательная функция этих феноменов письма реализуется в качестве проявлений языковой игры в текстах. В отечественной лингвистике выделяются следующие прагматические функции языковой игры (Лисоченко Л. В., Лисоченко О. В., Санников В. З., Ильясова С. В., Попова Т. В., Ли В. С., Гридина Т. А., Стексова Т. И.) [1]: оценочная, функция привлечения внимания читателя/ слушателя/ зрителя, функцию воздействия на реципиента с целью изменения его восприятия действительной картины мира, манипулятивную, функцию привлечения внимания потребителя, функцию дискредитации, профанации, иронизации, эвфимизации.

О. А. Викторова рассматривает средства создания языковой игры на разных языковых уровнях: фонетическом, графическом, морфологическом, словообразовательном, лексическом и синтаксическом. В частности, на графическом уровне указываются нестандартная реализация графической формы слова, нарочитое нарушение действующих орфографических и пунктуационных правил, «Олбанский язык» (язык падонков; эрратив; язык Лехчи) (язык в интернете, в котором целенаправленно искажается орфографическая норма), совмещение элементов одного языка, но разных хронологических пластов, совмещение букв и разных способов их выделения (подчёркивание; иной шрифт, цвет, размер букв и т.п.), совмещение вербальных и иконических элементов, совмещение букв и цифр, совмещение букв и компьютерных знаков, совмещение букв и идеограмм (значков интернета, валюты и т.п.), совмещение букв и физических символов, совмещение букв и пунктуационных, или типографических знаков, устранение интервала между словами, литуратив (зачеркивание текста), вставки; исправления; падающие («пьяные») буквы, визуальные неологизмы, гибриды, то есть слова с нарушением своего орфографического и графического облика – эрративы [1].

При этом О. А. Викторова заявляет, что эрративы «обыгрывают внешний облик слова, не внося в него дополнительных смыслов» [1, С. 5], с чем мы не можем согласиться, ведь эрративное оформление слова и стандартный его вид порождают различные коннотации и могут быть использованы в разных целях.

Наиболее развитым и распространённым полем реализации эрративов считается интернет-коммуникации. Эрративное письмо используется в различных жанрах интернет-общения, таких, как блог, форум, чат, социальные сети и др. Стоит отметить и различные цели употребления данного феномена в этом пространстве: в-первых, привлечение внимания к своей языковой личности, проявление индивидуальности, креативности интернет-пользователя, во-вторых, объединение, сплочение интернет-сообщности людей общей языковой и смысловой идеей, идентификацией с ней.

«Подонкафский», или «олбанский» йезыг, или йязыкподонкафф, язык Лехчи, язык Упячки в 2000-х годах стали объединяющим началом для пользователей некоторых сайтов, блогов, таких как *udaff.com*, ЖЖ («Живой Журнал»), *чруашка.ru* и др. Всем названным языковым интернет-явлениям характерна особая нарочитая нецензурность и стиливой цинизм.

Интернет, как новая сфера функционирования языка и письма, даёт пользователям большие возможности для реализации языкового потенциала. Наблюдается приспособление языка к современным условиям, сопровождающееся одновременным применением нормативных и анормативных, книжных и разговорных, литературных и сленговых

элементов на письме. А. Зализняк называет такое письмо термином «спонтанная письменная речь» [4], которая стала полем реализации языковой личности нового типа.

Частью стиля сетевой коммуникации стало намеренное нарушение языковых норм на письме с целью имитации устного общения или умышленного привлечения внимания. Важно отметить, что данное явление оказывает непосредственное влияние на состояние грамотности русскоязычного общества и формирование стандартов его речевого поведения.

В 2018 г. фиксируется новая волна использования эрративов в интернет-коммуникации, чаще всего – в интернет-мемах, целью которых является транслирование различных смыслов, идей и мыслей в массовой культуре. И эрратив из контркультурного явления стал превращаться в неотъемлемый элемент массовой культуры. Применение эрративного письма в тексте мема особенно помогает реализовать его развлекательную функцию, например, передать речевую особенность изображённого персонажа.

Среди эрративов, появившихся в интернет-дискурсе, можно выделить примеры лексикализованных, традиционных единиц, таких, как «медвед» (совершенно конкретный медведь, наделённый установленными смыслами), *криведко* (что-то забавное, удивительное или странное), *кроссавчег* (человек, которым за что-то или по какой-либо причине восхищаются, возможно употребление с иронией), *котэ* (обычный кот; чаще употребляется в шуточных ситуациях с целью передачи некоторых особенностей поведения и характера этого животного). Это значит, что изменения в орфографическом облике слова могут вести к его быстрому и устойчивому переосмыслению и расширению словарного запаса русского языка.

Происходит формирование новой разновидности речи, имеющей черты устной и письменной форм и выполняющей функции средства межличностной компьютерно-опосредованной коммуникации. Такое общение остаётся формально письменным, при этом перенимает разговорный стиль, используемый преимущественно для устного общения.

Эрратография используется как языковой приём передачи устной речи на письме в вышеуказанном процессе дистанционной коммуникации, чтобы участники общения при прочтении фраз могли мысленно «услышать» своего собеседника, что может придавать этой связи непринуждённости и естественности. Следовательно, на появление и распространение некоторых эрративов влияет наша живая речь.

С помощью эрративного письма можно передать манеру, темп, экспрессивность речи и даже отношение к своему коммуниканту. Сравните фразы: *Ща фсё будит!* и *Сейчас всё будет!* Первая из них достаточно эмоционально наполнена и может говорить о каком-то располагающем и в некоторой степени шутовском характере разговора, вторая же обладает большим официозом и нейтральностью.

Также эрративы, как выразительный приём для передачи речевого портрета персонажа, используются в художественной литературе. Для достоверной передачи реальной исторической эпохи, культурной среды героя писатель продумывает создаваемый художественный образ до самых тонких деталей в его внешности, одежде, поведении и, безусловно, речи. И именно нарушение орфографической и графической норм языка помогает это реализовать в полной мере.

Вашиш... билеты! Вам говорят по-челазчески: вашиш... билеты! Па-а-трудитесь! (Чехов, «Ну, публика!» [15]). Читая подобные эрративы, ненамеренно начинаешь слышать речь персонажей и представлять их образы в своём воображении. При этом истоки данного явления можно наблюдать ещё в произведениях А. Н. Островского, который использовал эрративы для фиксации старомосковского просторечия (*Один – антриган, все говорит из-под политики и в насмешку; другой – антиресан, знакомится с дамами из антиресу* (А. Н. Островский «Праздничный сон – до обеда») [10, С. 131], и в творчестве Н. С. Лескова, использовавшего их для создания сказовой манеры письма (... я с вами так не расстануся) [10].

Важно выделить и стилиобразующую функцию эрратизации письма в творчестве русских поэтов начала XX века, которые обратились к нему с целью создания визуальных поэтических произведений. При этом они использовали намеренное нарушение норм письма для демонстрации своего творческого бунта против установок и правил современного им общества, так называемой «языковой провокации» [7, С. 50], для опрощения образов в своих произведениях, например: *Это женское уменье, Словно тыщу лет назад, Странно и одновременно Ждать, молить и ускользать* (Роберт Рождественский [12]), *Пусть целует она другова, Молодая, красивая дрянь* (Сергей Есенин [5]), *Я щас взорвусь, как триста тонн тротила...* (Владимир Высоцкий [4]).

Поэты-авангардисты начала XX века стали использовать более смелое обращение со словом в создании визуальной поэзии, представленной творчеством Велимира Хлебникова, Василиска Гнедова, Алексея Кручёных и др. К примеру, Василиск Гнедов использует беспробельное написание слов: *Посолнцезеленуолешьтоскло / перепелусатошершавит / Осиянноосипоносит / Красносерпопроткнувшемужаба / Кудролещеберезевеньспойь / переспойу летилосолнцемь / Нассчитаютьдураками / амыдуракилучшеумныхь* [1]; Александр Введенский отказывается от прописных букв и пунктуации, кроме определённых направляющих знаков: *увы стоял плачевный стул на стуле том сидел аул на нём сидел большой больнои сидел к живущему спиной он видел речку и леса где мчится стёртая лиса где водит курицу червяк венок звонок и краковак* [1].

Визуальные стихи русских авангардистов являются ярчайшим образцом мультикодовых текстов, ведь они соединяют в себе вербальные, визуальные и аудиальные компоненты. «Зрительная футуристическая поэзия была таковой, так как представляла собой бунт против стандарта, против официально-общепринятых взглядов на художественное творчество» [1].

Современная русская поэзия также вдохновилась подобным стилетворчеством и использует эрративное письмо с определённой стилистической задачей: *...И вымоюсь польским шампунем И стану интернационал... Я с домашней борюсь энтропией Как источник энергии божественной...* (Д. Пригов [12]). Намеренно допущенные ошибки дают «возможность современным поэтам возвышать обыденные вещи и иронизировать над возвышенным» [7, С. 52].

Безусловно, намеренное нарушение орфографической и графической норм современного русского литературного языка происходит вследствие воздействия ряда общественных и научных причин: снижения общей и языковой культуры общества, отсутствия цензуры и специальной корректуры, проявления демократизации и экспрессивизации личности.

Эрративное письмо становится не только одним из приёмов выражения индивидуальности, но и элементом современной массовой культуры. СМИ и массовая культура – непосредственная часть современного культурного пространства.

Массовая культура – социальный феномен XX века, представляющий собой особый тип производства и потребления культурных ценностей, характерный для постиндустриального общества [2, С. 76]. Эстетика массовой культуры представляет собой постоянное балансирование между агрессивным и сентиментальным, вульгарным и изысканным. Массовая культура восполняет потребности в досуге, игре, развлечениях, общении, эмоциональной разгрузке массовой аудитории. Развитие индивидуального вкуса не наблюдается, праздность мысли становится основной характеристикой личности.

С. Васильев отмечает особый характер массовой культуры следующим образом: «Отличительными чертами массовой культуры являются ориентированность на природную или инстинктивную часть индивидуального сознания, примитивную эмоциональность; сведение всех оценок к утилитарным; возведение в культ индивидуальных потребностей человека...» [2, С. 157].

Основные ресурсы, реализующие массовую культуру, – телевидение, интернет, радиовещание. Всё чаще они навязывают обществу свою «речевую моду», нередко нарушая или разрушая традиционные языковые нормы современного русского литературного языка.

Использование эрративов в текстах русских СМИ стало отмечаться с 2000-х годов в первую очередь в печатных изданиях (в заголовках статей: «*Полный превед*» – интернет-газеты «Press обозрение», 2006 г.; «*Медвед приказал долго жить. Вместе с преведом*» – газеты «Независимая», 2008 г.; «*АТОМная бомба осколков не содержит*» газеты «Енакиевский рабочий» от 08.05.2019 г.; «*НеУДАЧНАЯ история*» газеты «Донецк Вечерний» от 21.06.2017 г.; в тексте статьи «*Гаварить с иронией: зачем и почему люди пишут с ошибками в интернете*» – интернет-источника СМИ [8]), позже на телевидении (в названиях телепередач («*Аффтар жжот. Пусть говорят*», Первый канал, 2017 г.; «*Аффтар жжот?!*», выпуск программы «Место встречи», канал НТВ, 2018 г.; «*Рыбий жЫр*», 2014-2023 гг.). Это происходило по большей части вслед за модными веяниями в обществе, впоследствии и для привлечения внимания читателей и телезрителей.

Как средство усиления воздействия в тексте эрративы стали массово использоваться в рекламе, и сегодня данный лингвистический феномен позволяет создавать запоминающиеся, необычные эргонимы и прагматонимы, определяющие успешность продвижения бренда, продукта на рынке сбыта («*О!БУВЪ*», магазин обуви в г. Донецке; «*Ваще агонь!*», ресторан в г. Самара; кафе «*СherЁмуха*» в г. Харцызске). Такой маркетинговый приём в современном российском брендинге становится привычным и уже не вызывает острой общественной реакции («*СЕРГЕЕВ СЫРЬ*», сыроварня в г. Донецке; «*Оффца*», фотостудия в г. Донецке, 2021 г.; «*мужЫк*», магазин в г. Донецке).

Заключение

Таким образом, можно выделить следующие источники формирования русской эрратографии:

- специальный сетевой язык (интернетояз, новояз, «олбанский язык», язык Лехчи, язык Упячки и др.);
- интернет-сленг;
- распространённость и популярность мемов как смыслотворчества;
- живой разговорный язык;
- художественная образная речь, преобразующаяся под воздействием демократизации письма;
- развитие СМИ и свобода слова;
- расширение маркетинговых стратегий и приёмов.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Метлякова Е.В., Удмуртский государственный университет, Ижевск, Российская Федерация
DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.48.27.1>

Conflict of Interest

None declared.

Review

Метлякова Е.В., Udmurt State University, Izhevsk, Russian Federation
DOI: <https://doi.org/10.18454/RULB.2023.48.27.1>

Список литературы / References

1. Балко М. В. Специфика реализации категории мультикодности в русской визуальной поэзии начала XX века / М. В. Балко // Культура в фокусе научных парадигм. — 2019. — № 9. — С. 63-69.
2. Васильев С. С. Язык и текст СМИ как средство формирования массовой культуры / С. С. Васильев // Историческая и социально-образовательная мысль. — 2012. — № 4 (14). — С.157—162.
3. Викторова О. А. Особенности поликодовых демотивационных постеров с включением языковой игры: автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.19 / Викторова Олеся Александровна; [Место защиты: Твер. гос. ун-т]. — Тверь, 2016. — 18 с.

4. Высоцкий В. С. Посещение Музы, или Песенка плагиатора / В. С. Высоцкий. — URL: <https://www.culture.ru/poems/19001/poseshenie-muzy-ili-pesenka-plagiatora?ysclid=lokl2muap1310477406> (дата обращения: 03.10.2023 г.)
5. Есенин С. А. Пантократор / С. А. Есенин. — URL: <https://www.culture.ru/poems/43734/pantokrator> (дата обращения: 17.03.2023).
6. Зализняк А. А. Переписка по электронной почте как лингвистический объект / А. А. Зализняк. — URL: www.dialog-21.ru/dialog2006/materials/html/Zalizniak.htm (дата обращения: 15.10.2023).
7. Константинова С. К. Приёмы поэтической вольности в творчестве современных писателей / С. К. Константинова, А. В. Бабичев // Incipio. Курский государственный университет. — 2018. — № 13. — С. 47—55.
8. Косован А. Гаварить с иронией: зачем и почему люди пишут с ошибками в интернете / А. Косован. — URL: <https://screenlifer.com/trends/gavarit-s-ironeej-zachem-i-pochemu-lyudi-pishut-s-oshibkami-v-internete/> (дата обращения: 27.04.2020 г.).
9. Ларин Д. А. Защита информации в Древней Руси / Д. А. Ларин // Вестник РГГУ. Серия: Документоведение и архивоведение. Информатика. Защита информации и информационная безопасность. — 2010. — № 12(55). — С. 13-35.
10. Лесков Н. С. Левша / Н. С. Лесков. — URL: <https://ilibrary.ru/text/986/p.1/index.html> (дата обращения: 17.11.2020).
11. Островский А. Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. II. / А. Н. Островский. — М., 1974. — 531 с.
12. Пригов Д. Г. Я с домашней борюсь энтропией / Д. Г. Пригов. — URL: <http://modernpoetry.ru/main/dmitriy-aleksandrovich-prigov-napisannoe-s-1975-po-1989> (дата обращения: 27.04.2020 г.)
13. Рождественский Р. И. Соловей Заочник: литературный дневник / Р. И. Рождественский. — URL: <https://stihi.ru/diary/vorobushka/2012-07-12> (дата обращения: 17.03.2023).
14. Сперанский М. Н. Тайнопись в юго-славянских и русских памятниках письма / М. Н. Сперанский. — Л: Наука, 1929. — Т. 4.3. — 165 с.
15. Чехов А. П. Ну, публика! // Чехов А. П. Полное собрание сочинений и писем: В 30 т. Сочинения: В 18 т. / АН СССР. Ин-т мировой лит. им. А. М. Горького. — М.: Наука, 1974—1982. Т. 4. [Рассказы, юморески], 1885—1886. — М.: Наука, 1976. — С. 235—238. — URL: <http://chegov-lit.ru/chegov/text/nu-publika.htm?ysclid=lokkna3zcp13125427> (дата обращения: 15.04.2023).

Список литературы на английском языке / References in English

1. Balko M. V. Specifica realizacii kategorii mul'tikodovosti v russkoj vizual'noj poezii nachala ХХН veka [The Specifics of the Implementation of the Category of Multicode in Russian Visual Poetry of the Early Twentieth Century] / M. V. Balko // *Kultura v fokuse nauchnyh paradigim* [Culture in the Focus of Scientific Paradigms]. — 2019. — № 9. — P. 63-69 [in Russian].
2. Vasil'ev S. S. YAzyk i tekst SMI kak sredstvo formirovaniya massovoj kul'tury [The Language and Text of Mass Media as a Means of Forming Mass Culture] / S. S. Vasil'ev // *Istoricheskaya i social'no-obrazovatel'naya mysl'* [Historical and Socio-educational Thought]. — 2012. — № 4 (14). — P. 157—162 [in Russian].
3. Viktorova O. A. Osobennosti polikodovyh demotivacionnyh posterov s vklyucheniem yazykovoj igry [Features of Polycode Demotivation Posters with the Inclusion of a Language Game]: abstract of the dissertation of the PhD in Philology: 10.02.19 / Viktorova Olesya Aleksandrovna; [Place of defence: Tver State University]. — Tver, 2016. — 18 p. [in Russian]
4. Vysockij V. S. Poseshchenie Muzy, ili Pesenka plagiatora [A Visit to the Muse, or a Plagiarist's Song] / V. S. Vysockij. — URL: <https://www.culture.ru/poems/19001/poseshenie-muzy-ili-pesenka-plagiatora?ysclid=lokl2muap1310477406> (accessed: 03.10.2023) [in Russian]
5. Esenin S. A. Pantokrator [Pantocrator] / S. A. Esenin. — URL: <https://www.culture.ru/poems/43734/pantokrator> (accessed: 17.03.2023) [in Russian].
6. Zaliznyak A. A. Peregiska po elektronnoj pochte kak lingvisticheskij ob'ekt [E-mail Correspondence as a Linguistic Object] / A. A. Zaliznyak. — URL: www.dialog-21.ru/dialog2006/materials/html/Zalizniak.htm (accessed: 15.10.2023) [in Russian].
7. Konstantinova S. K. Priyomy poeticheskoy vol'nosti v tvorchestve sovremennyh pisatelej [Techniques of Poetic License in the Works of Modern Writers] / S. K. Konstantinova, A. V. Babichev // Incipio. Kurskij gosudarstvennyj universitet [Incipio. Kursk State University]. — 2018. — № 13. — P. 47—55 [in Russian].
8. Kosovan A. Gavarit' s ironiej: zachem i pochemu lyudi pishut s oshibkami v internete [Talk with Irony: why People Write with Errors on the Internet] / A. Kosovan. — URL: <https://screenlifer.com/trends/gavarit-s-ironeej-zachem-i-pochemu-lyudi-pishut-s-oshibkami-v-internete/> (accessed: 27.04.2020) [in Russian].
9. Larin D. A. Zashchita informacii v Drevnej Rusi [Information Protection in Ancient Russia] / D. A. Larin // *Vestnik RGGU. Seriya: Dokumentovedenie i arhivovedenie. Informatika. Zashchita informacii i informacionnaya bezopasnost'* [Bulletin of the Russian State University. Series: Documentary and Archival Studies. Computer science. Information Protection and Information Security]. — 2010. — № 12(55). — P. 13-35 [in Russian].
10. Leskov N. S. Levsha [Left-handed] / N. S. Leskov. — URL: <https://ilibrary.ru/text/986/p.1/index.html> (accessed: 17.11.2020) [in Russian].
11. Ostrovskij A. N. Poln. sobr. soch.: v 12 t. T. II [Complete collection of Op.: in 12 vols. Vol. II.]. / A. N. Ostrovskij. — М., 1974. — 531 p. [in Russian]
12. Prigov D. G. YA s domashnej boryus' entropiej [I'm Struggling with Entropy at Home] / D. G. Prigov. — URL: <http://modernpoetry.ru/main/dmitriy-aleksandrovich-prigov-napisannoe-s-1975-po-1989> (accessed: 27.04.2020) [in Russian]

13. Rozhdestvenskij R. I. Solovej Zaochnik: literaturnyj dnevnik [Nightingale Part-time Student: a literary diary] / R. I. Rozhdestvenskij. — URL: <https://stihi.ru/diary/vorobushka/2012-07-12> (accessed: 17.03.2023) [in Russian].
14. Speranskij M. N. Tajnopis' v yugo-slavyanskij i russkij pamyatnikah pis'ma [The Secret Writing in the South Slavic and Russian Monuments of Writing] / M. N. Speranskij. — L.: Nauka, 1929. — V. 4.3. — 165 p. [in Russian]
15. Čehov A. P. Nu, publika! [Well, the Audience!] // Čehov A. P. Complete works and letters: In 30 vols. Essays: In 18 vols. / AN SSSR. AS USSR. A. M. Gorky Institute of World Literature. — M.: Nauka, 1974–1982. V. 4. [Stories, humorous pieces], 1885–1886. — M.: Nauka, 1976. — P. 235–238. — URL: <http://chehov-lit.ru/chehov/text/nu-publika.htm?ysclid=lokkna3zcp13125427> (accessed: 15.04.2023) [in Russian].